

Изотов В. П.
Орловский государственный университет

ТЕКСТ КАК РЕТРОСКРИПЦИЯ

Статья посвящена описанию построения текстов, выполненных в обратной последовательности движения сюжета или графической последовательности (ретроскрипция рассматривается не только как словообразовательное явление, но и как принцип текстопостроения). Выделяются четыре направления реализации этого принципа.

Ключевые слова: ретроскрипция, текст, обратное течение жизни, обратное движение сюжета, обратное написание слов и строк, зеркальное отражение.

“Ретроскрипцией называется способ, при котором новое слово образуется путём обратного прочтения и написания производящего слова: “– А Хлебников? Поэт Велимир Хлебников писал палиндромические стихи, не есть ли это поэзия иных миров?

– Есть, есть! – окрылённо закричали мы.

– Но ведь это значит, – продолжал Песок, – что пришельцу Хлебникову на Земле соответствует поэт **Вокинбелх**” (С. Шмаков).

Обычно о ретроскрипции только упоминается в перечне способов [4, с. 81; 10, с. 81-83; 18, с. 54]. Наиболее полное на сей день описание этого способа представлено в моей работе [5]” [6, с. 57-58].

С момента написания этих слов прошло 14 лет, а ситуация практически не изменилась: насколько можно судить, появилось только две небольших статьи, которые рассматривают вопросы, связанные с теорией ретроскрипции [7; 8].

Парадоксально, но факт: большинство окказиональных способов русского словообразования всего лишь только очерчено и отсутствует их системно-теоретическое осмысление. Не является в этом плане исключением и ретроскрипция.

Между тем существует значительное количество вопросов, требующих своего разрешения. Вот некоторые из них:

- начальная форма ретроскрипционных образований;
- частеречная принадлежность;
- ретроскрипция и палиндром;
- пунктуация в текстах-ретроскриптах;
- фонетическое звучание ретроскрипта;
- Ъ, Ь в качестве инициалей новообразований; и т.д.

Как можно видеть, большинство этих проблем связаны со словами, созданными путём ретроскрипции (вопрос о пунктуации связан с функционированием ретроскрипции на уровне предложения).

Однако ретроскрипция может служить и принципом организации текста.

Риторический канон, как известно, включает в себя 5 этапов. За саму организацию текста отвечает второй этап риторического канона – диспозиция: ““Режиссура” самого повествования (как и описания) может быть различной. Вот что говорит об этом Ломоносов: можно следовать “натуральному”, *естественному* порядку событий; но можно начинать “не с начала деяния, а с некоторого *чуждого*, знатного или нечаянного приключения, которое было в *середине* самого действия”, или даже ещё сложнее: “что наперед было до этого яркого момента, описывается повествованием знатного лица, в самой истории представляемого, до того самого случая, с которого оно началось, а прочее, что следует, идёт обыкновенным натуральным порядком”” [16, с. 187]; “Например, классическим образцом чрезвычайно ловко построенной интриги считалась “Одиссея” Гомера – с ретроспективным изложением событий (от более поздних к более ранним) в качестве основного приёма и многочисленными скачками из настоящего в прошлое и будущее. Такая композиционная (диспозиционная) техника полагалась практически недостижимой” [13, с. 75].

Ярким примером произведения, начинающегося эпизодом, взятым из середины повествования, является роман Н. Г. Чернышевского “Что делать” (примечательно, что сам автор характеризует этот приём следующим образом: “Я употребил обыкновенную хитрость романистов: начал повесть эффектными сценами, вырванными из середины или конца её, прикрыл их туманом” [19, с. 12]).

Теоретическое осмысление этого приёма дано Р. О. Якобсоном: “Что касается литературного времени, то широкое поле для исследования представляет приём временного сдвига. Я уже приводил выше слова критики: “Байрон стал рассказывать с середины происшествия или с конца”. (Или ср., например, “Смерть Ивана Ильича”, где развязка дана до самого рассказа; ср. “обломов”, где временной сдвиг оправдан сном героя, и т.п.). Есть особый разряд читателей, которые навязывают этот приём всякому литературному произведению, начиная чтение с развязки. Как лабораторный приём мы находим временной сдвиг у Эдгара По в “Вороне”, который лишь по окончании был как бы вывернут наизнанку” [20, с. 284].

Однако вышеприведённые слова характеризуют только приём временного сдвига как принцип составления текста, что, в общем-то, к ретроскрипции отношения не имеет. Проблема “текст как ретроскрипция”, как представляется, реализуется в четырёх направлениях.

Первое направление. Тексты организованы по принципу обратного течения жизни главного героя (героев). В чистом виде этот принцип реализован в пьесе В. Хлебникова “Мирсконца”. В рассказе Ф. С. Фицджеральда “Забавный случай с неким Бенджамином Баттенем” этот приём модифицирован: герой рождается 70-летним стариком и умирает младенцем.

Некоторая усложнённая этого принципа имеет место в двух других произведениях. Так, в повести В. Михайлова “Не возвращайтесь по своим следам” герой, спустя какое-то неназванное время после смерти, возвращается в мир и начинает свою жизнь в обратном порядке. К тому же и все окружающие живут таким же образом, и различие отмечается только в том, что одни люди помнят свою прежнюю жизнь, а другие нет.

В романе Ш. О'Фаолейна “И вновь?” главный герой не умирает даже, а, достигнув 65-летнего возраста, начинает жить в обратном порядке.

В романе А.Борисовой “Креативщик” главный герой в течение дня проходит в обратной последовательности путь от 70-летнего старика до 10-летнего мальчика.

Из всех этих произведений упоминаний в научных исследованиях удостоилась только пьеса В. Хлебникова: “При первой публикации (в 1913 году) пьеса “Мирсконца” обращала на себя внимание благодаря, главным образом, вывернутой наизнанку временной перспективе; жизненный путь главных действующих лиц, Поли и Оли, прослеживается в ней от могилы и – буквально – до колыбели, словно в кинофильме, пущенном обратным ходом. Якобсон рассматривал эту пьесу как пример “обнажённого временного сдвига”; то есть, инверсия времени, никоим образом не мотивированная, используется якобы как приём ради самого приёма. Такая интерпретация удовлетворяла эстетике раннего формализма и, очевидно, служила заявленной полемической цели” [15, с. 105].

Второе направление. Тексты организованы по принципу обратного течения сюжета: произведение начинается с финала, развязки и движется дальше (поэтапно) к завязке. В чистом виде этот принцип, по-видимому, не реализован. Однако есть его любопытная интерпретация в рассказе Х. Л. Борхеса “Анализ творчества Герберта Куэйна”: “Миры, представленные в “April March”, не являются регрессивными, регрессивен способ изложения. Регрессивен и разветвлён, как я уже сказал. Произведение состоит из тринадцати глав. В первой приводится двусмысленный диалог двух неизвестных на перроне. Во второй излагаются события, происшедшие накануне действия первой. Третья глава, также ретроспективная, излагает события *другого* возможного кануна первой главы; четвёртая глава – события третьего возможного кануна. Каждый из трёх канунов (которые друг друга полностью взаимно исключают) разветвляется ещё на другие три кануна, совершенно различные по типу” [3, с. 77-78].

С известными оговорками как реализацию этого принципа можно рассматривать роман К. Федина “Города и годы”, “где, если поставим его девять глав в хронологическом порядке, получим порядок: IV, III, V, VI, VII, VIII, II, IX, I” [21], и роман Х. Кортасара “Игра в классики”, о принципах которого сам автор в “Таблице для руководства” говорит следующее: “Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей:

Первая книга читается обычным образом и заканчивается 56 главой, под последней строкою которой – три звёздочки, равнозначные слову *Конец*. А посему читатель безо всяких угрызений совести может оставить без внимания всё, что следует дальше.

Вторую книгу нужно читать, начиная с 73 главы, в особом порядке: в конце каждой главы в скобках указан номер следующей” [12, с. 26].

Третье направление. Тексты организованы по принципу обратного чтения каждого слова. Примером может служить стихотворение А. Луцкекина:

Ищук еиксйар. Акызумотевц.
 Акев оголеб амероет.
 Абелх течох акчовед.
 Онся илоб од ондив
 Момод мишан дан обен,
 Мобен мишан дань немак.
 Идюл еылеб адюс тудирп он.

Правда, в этом стихотворении есть определённое ограничение, поскольку в обратном направлении прочитываются только отдельные строки, а в полном соответствии с принципом обратного чтения стихотворение должно бы было выглядеть так:

Идюл еылеб адюс тудирп он.
 Мобен мишан дань немак.
 Момод мишан дан обен,
 Онся илоб од ондив
 Абелх течох акчовед.
 Акев оголеб амероет.
 Ищук еиксйар. Акызумотевц.

К сожалению, реальных текстов, исполненных в подобной манере, мне не встретилось. Однако в истории русской литературы был любопытный эксперимент. Н.Полевой переставил в обратном порядке строки пушкинского посвящения, предваряющего роман “Евгений Онегин”:

Вот сердца горестных замет,
 Ума холодных наблюдений,
 Незрелых и увядших лет,
 Бессониц, лёгких вдохновений
 Небрежный плод. Моих забав,
 Простонародных, идеальных,
 Полусмешных, полупечальных –
 Прими собранье пёстрых глав,
 Ну! Так и быть – рукой пристрастной,
 Высоких дум и простоты,
 Поэзии живой и ясной,
 Святой исполненной мечты,

Достойнее души прекрасной,
Залог достойнее тебя,
Хотел бы я тебе представить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свет забавить...

Исследовательница комментирует эту перестановку таким образом: “В пределах, допускаемых законами палиндрома, здесь осуществляется замена отдельных союзов и соединительных слов, а также добавляются знаки препинания. В результате, смысл стихотворения, конечно, изменяется: словосочетание “небрежный плод” перестаёт относиться к забавам поэта, а становится атрибутом горестных замет и холодных наблюдений. Соответственно, четыре эпитета, относящиеся у Пушкина к “пёстрым” главам его романа, переадресуются теперь к его же забавам. Наконец, в конец посвящения попадают теперь не итоговые у Пушкина заметы и наблюдения, в оригинале противостоящие первой части как вполне серьёзный вывод из иронически описываемых забав, а именно “лёгкий” посыл посвящения – “Не мысля гордый свет забавить”” [2, с. 188].

Разновидностью этой ретроспективной текстоорганизации можно считать такую разновидность палиндрома, как оборотни: “Обычные палиндромы при обратном прочтении повторяют сами себя. Но существуют тексты, обратное прочтение которых осмысленно и при этом принципиально отличается от прямого. Например, заголовок этой главы: *ТУТ РАКИ НАПОКАЗ* (Справа налево: *ЗАКОПАН ИКАР ТУТ*). Такие взаимно-разночитаемые слова, фразы и т.д. называются *оборотнями* (термин Ю. Пожидаева и С. Федина)” [1, с. 168].

С известными оговорками к этой разновидности можно отнести анацикл: “Интересным примером трюкового стихосложения является **анацикл** – стихотворение, написанное таким образом, что его можно одинаково читать как сверху вниз слева направо, так и снизу вверх справа налево. Анацикл читается в обоих направлениях не по буквам (как в палиндроме), а по словам. В отличие от стихотворения-реверса, порядок изложения, рифмы и рифмовка сохраняются. Анациклические стихи – крайне редкое явление даже для экспериментальной поэзии” [17]. Как единственный пример этого вида поэзии на русском языке приводится стихотворения В. Я. Брюсова:

Жестоко раздумье. Ночное молчанье
Качает виденья былого,
Мерцанье встречает улыбки сурово.
Страданье –
Глубоко-глубоко!
Страданье сурово улыбки встречает...
Мерцанье былого – виденье качает...
Молчанье, ночное раздумье, – жестоко!

Четвёртое направление. Текст организуется с помощью зеркального отображения. Так, например, в сказке Л. Кэрролла “Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье” есть такой фрагмент:

“На столе лежала какая-то книга; Алиса взяла ее и стала листать, поглядывая время от времени на Белого Короля. (Она все еще волновалась за него и держала чернила наготове - на случай, если ему снова станет плохо.)

Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку, но все было написано на каком-то непонятном языке.

Вот как это выглядело.

ТОПТАМЛЮТ
Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Алиса ломала себе голову над этими строчками, как вдруг ее осенило: – Ну конечно, – воскликнула она, – это же Зазеркальная Книга! Если я поднесу ее к Зеркалу, я смогу ее прочитать.

Так она и сделала. И вот что она прочитала:

БАРМАГЛОТ

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве

И хрюкотали зелюки,

Как мюмзики в мове” [14, с. 122]

Примеры зеркального отражения текстов приводятся в “Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии” [259-267], в книге П. А. Ковалёва [11, с. 117-118].

Интересны в этом плане являются стихотворения С. Г. Фруга “Зеркало”:

О грядущем ни намека,
 О минувшем – ни следа...
 Отражается всегда
 Лишь обманчиво глубоко

С их зеркальной глубиной
 Всё в очах лазурно-чистых:
 И созревшей страсти зной,
 И мерцанье грез лучистых.

Подношу я этот дар
 Ей, холодной и прекрасной,
 Не пленив мечтой напрасной,
 Мысли свет и сердца жар

Мысли свет и сердца жар
Не пленив мечтой напрасной,
Ей, холодной и прекрасной,
Подношу я этот дар.

И мерцанье грез лучистых,
И созревшей страсти зной –
Всё в очах лазурно-чистых
С их зеркальной глубиной

Лишь обманчиво глубоко
Отражается всегда...
О минувшем – ни следа,
О грядущем ни намека.

В этом стихотворении взаимно отражаются строки 1-24, 2-23, 3-22, 4-21, 5-20 и т.д.

У С. Кирсанова есть поэма “Зеркала” (она не имеет к обсуждаемой теме никакого отношения), но есть в ней некоторые моменты, которые можно истолковать в духе настоящего исследования:

И с зеркалами
так бывает...
(Как бы свидетель не возник!)
Их где-то, может, разбивают,
Чтоб правду выкрошить из них?

Или ещё более конкретно: “Но цель ещё далека, а стекло безответно и гладко. Но уже шевелится догадка! Что, если выпрямить иглы частиц, возвратить, воскресить отражение? Я на верном пути! Так идти – от решения к решению, ни за что не назад! Нити лазеров скрещиваются и скользят. Вот уже что-то мерещится!” [9, с. 275].

Следует сказать, что ни одно из этих направлений не то что не описано, а даже ещё толком не намечено – есть только отдельные замечания по отдельным произведениям, относимых к тому или иному направлению.

Л и т е р а т у р а :

1. Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии. – М. : Гелиос АРВ, 2002. – 272 с.
2. *Бонч-Осмоловская Т. Б.* Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. – Самара : Издательский Дом “Бахрах М”, 2009. – 560 с.
3. *Борхес Х. Л.* Анализ творчества Герберта Куэйна / Х. Л. Борхес. // Проза разных лет. – М. : “Радуга”, 1989. – С. 76-80.
4. *Журавлёв А. Ф.* Технические возможности русского языка // Способы номинации

- в современном русском языке. – М. : “Наука”, 1982. – С. 45-108.
5. *Изотов В. П.* Ретроскрипция: слово – предложение – текст // Доклады и сообщения аспирантского объединения по филологии. – Орёл, 1991. – С. 75-80.
 6. *Изотов В. П.* Параметры описания системы способ русского словообразования. – Орёл, 1998. – 149 с.
 7. *Изотов В. П.* Ретроскрипция: к вопросу о начальной форме окказионализма // Единицы языка и речи: типология, функционирование, семантика : коллективная монография. – Орёл : ОГУ, 2012. – С. 88-93.
 8. *Изотов В. П., Изотов В. В.* Ретроскрипция: некоторые новые вопросы теории // Введение в поэтику словообразования : коллективная монография. – Орёл, 2011. – С. 14-17.
 9. *Кирсанов С. И.* Зеркала / С. Кирсанов. // Собрание сочинений. – В 4-х томах. – Т.4 : Поэтические поиски и произведения последних лет. – М. : “Художественная литература”, 1976. – С. 266-283.
 10. *Ковалёв В. П.* Выразительные средства художественной речи : пособие для школы. – К. : Радянська школа, 1985. – 136 с.
 11. *Ковалёв П. А.* Техника стиха и техника в стихе: поэзия русского постмодернизма. – Орёл, 2008. – 164 с.
 12. *Кортасар Х.* Игра в классики. – М. : “Художественная литература”, 1986. – 574 с.
 13. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учебное пособие для вузов. – М. : “Издательство ПРИОР”, 1999. – 272 с.
 14. *Кэрролл Л.* Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Н. М. Демуровой. – М. : “Наука”, 1978. – 360 с.
 15. *Лённkvист Б.* Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова / пер. с англ. А. Ю. Кокотова. – СПб. : Гуманитарное агентство “Академический проект”, 1999. – 237 с.
 16. *Михальская А. К.* Основы риторики: Мысль и слово : учебное пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.
 17. *Скоренко Т.* [Сайт] // Режим доступа: timskorenko.ru/poezia5.html
 18. *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М. : Наука, 1996. – 222 с.
 19. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. // Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 1. – М. : “Правда”, 1974. – 463 с.
 20. *Якобсон Р. О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову / Р. О. Якобсон. // Работы по поэтике. – М. : Прогресс, 1987. – С. 272-316.
 21. *Янечек Дж.* “Мирсконца” у Хлебникова и Крученых // [Электронный ресурс Ka2.ru/nauka/anasek/html].

Изотов В. П. Текст як ретроскрипція.

Стаття присвячена описанню побудови текстів, виконаних у зворотній послідовності руху сюжету або графічної послідовності (ретроскрипція розглядається не тільки як словотворче явище, але і як принцип текстопобудови). Виділяються чотири напрями реалізації цього принципу.

Ключові слова: ретроскрипція, текст, зворотна течія життя, зворотний рух сюжету, зворотне написання слів та рядків, дзеркальне відображення.

Izotov V. P. Text as retroskription.

The paper describes the construction of words, made in the reverse order of movement of the plot or graphic sequence (retroskription not only seen as derivational phenomenon, but as a principle text construction). There are four areas of this principle.

Keywords: *retroskription, text, reverse flow of life, the reverse movement of the plot, the reverse spelling of words and lines, the mirror image.*